

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА И РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

В статье рассматриваются вопросы взаимодействия языков в процессе возникновения и становления романских языков. Используется гравитационная модель для объяснения складывающихся языковых ситуаций.

Наименования «экологическая лингвистика», «эколингвистика», «экология языка» в современном научном знании не всегда понимаются как обозначение нового интегративного направления в лингвистике, формирующегося на стыке наук (в данном случае на стыке лингвистики и экологии). Можно встретить также обоснование того, что классическая лингвистика должна рассматриваться как «ступень» формирования эколингвистики. По мнению А. А. Полухина, именно эколингвистика и «есть лингвистика актуальная, развивающаяся в рамках становления ноосферного знания. Выделение эколингвистики как раздела языкознания, по нашему мнению, неоправданно, так как поле ее предметности определяется не специфической стороной исследования языка, а напротив, набором методов разных языковедческих дисциплин, направленным на системное изучение лингвистических процессов с целью решения актуальных задач и проблем, часто выходящих за рамки узкоспециальной классической науки о языке» [Полухин 2009: 11].

Мы уже говорили (см. [Лыкова 2010: 45-51])

Спиральная галактика

о том, что на очередном витке развития научного знания исследователи вновь обращаются к популярной в XIX в. идее уподобления языков живым организмам, связанной с именами Ф. Боппа, А. Шлейхера и других сторонников натуралистической концепции языка. Снова язык сравнивается с живым существом: «La langue, comme l'être vivant, comme les systèmes d'êtres vivants immergés dans leur environnement, est un système porteur d'information» [Dendaletche 1988: 497]¹.

Как в XIX в. революционные идеи Ч. Дарвина оказали влияние на развитие науки о языке, так и в веке XX идеи В. И. Вернадского о ноосфере как одном из состояний биосферы и возникновение новой науки — экологии — влекут за собой изменение фокуса внимания. Современная наука начинает решать общую проблему «человек — природа», и эколингвистика вносит свой вклад в изучение взаимодействий между языком, человеком и окружающей его средой.

В уже упоминавшейся статье А. А. Полухина определяются перспективы развития современного языкознания, которые, по его мнению, заключаются в том, «чтобы направить исследования на сохранение лингвистического разнообразия. Эти исследования должны получить **предписывающий** характер» [Полухин 2009: 11] (*выделение наше* — Н. Л.). «Задача современного языковеда-эколингвиста, — продолжает автор, — предложить обществу программы по сохранению языков» [Полухин 2009: 12].

Мысль о сохранении лингвистического разнообразия, о языковом плюрализме близка нам. Так же, как понятна озабоченность автора судьбами языков в мире, охваченном процессами глобализации, когда наблюдается движение к монополии одного языка, когда современные информационные технологии усиливают воздействие среды на объект (язык). Этому влиянию подвержена не только система графической передачи языковых знаков, но и лексико-грамматический уровень языка. Кроме того, по-видимому, А. А. Полухин вдохновляется идеей о том, что разнообразие видов в природе обеспечивает устойчивость экосистем. Следовательно, сохранение разнообразия языков способствует нормальному функционированию культурно-языкового пространства. Вызывает сомнение лишь вторая часть высказывания, когда автор добавляет, что научные исследования должны носить предписывающий характер. Не берет ли на себя в этом случае исследователь функции, не свойственные ему, тем более что уже есть официальные резолюции (предписания), касающиеся лингвистического разнообразия и мультилингвизма, разработанные Советом Евросоюза²? Насколько эффективным будет сознательное воздействие человека на эволюцию языка? Можем ли мы волевым усилием предписать сохранить, сбересть тот или иной язык? Не противоречит ли это тем закономерностям, которые мы обнаруживаем при изучении истории языков?

Проблемы взаимоотношений и взаимодействия между человеком, обществом и языком уже давно являются предметом изучения общего языкознания, исторического языкознания, социолингвистики, психолингвистики. Е. В. Иванова так определяет различие между историческим языкознанием и экологической лингвистикой: «Главный объект исследования эколингвистики — не состояние или развитие, не отношения между элементами, а сами процессы и их взаимодействие, приводящее к изменению элементов. В отличие от исторического языкознания, которое изучает влияние одного языка на другой в процессе их развития или индивидуальное развитие языков, экологическая лингвистика занимается исследованием процессов вытеснения или выживания между конкурирующими языками в определенном пространстве, будь то сознание отдельного человека или какое-либо общество» [Иванова // Электронный ресурс].

Изучение истории романских языков показывает, что процесс их формирования шел именно через вытеснение или ассимиляцию отдельных языков и диалектов, то есть через уменьшение лингвистического разнообразия. Эти явления рассматриваются во многих работах по романскому языкознанию и истории романских языков.

При анализе языковой ситуации становления романских языков с точки зрения эколингвистики можно использовать гравитационную (или галактическую) модель функционирования всемирной языковой системы, разработанную голландским лингвистом А. де Сваном [Swaan, 2001] и французским лингвистом Л.-Ж. Кальве [Calvet, 1999]. Л.-Ж. Кальве при характеристике естественных языков делит их на языки гиперцентральные, суперцентральные, центральные и периферические.

Греческий и латинский языки можно рассматривать как два гиперязыка, которые находились в центре древней культурно-языковой экосферы Европы. Это два центра притяжения, две галактики, вокруг которых вращаются другие языки, перемещаясь ближе к центру или выталкиваясь на периферию в результате действия различных факторов и сил: политических, экономических, социальных, культурных, географических и пр.

В истории романских языков таким гиперцентральной языком оказался латинский язык, втянувший в свою орбиту языки, на которых говорило население покоренных территорий.

Предыстория романских языков связывается с завоеванием Римом Апеннинского полуострова, Сицилии, Корсики, Сардинии, Иберийского полуострова, территорий Галлии, Гельвеции, Реции, Далмации, Фракии, Дакии и последующей романизацией населявших их народов и племен, говоривших на разных языках. В данной статье мы остановимся на процессах межязыкового взаимодействия при формировании итальянского, испанского, португальского и румынского языков. Особенности становления французского языка с точки зрения экологической лингвистики были рассмотрены нами в отдельной статье (см. [Лыкова 2010: 45-51]).

Первоначально латинский язык употребляется только в области Лациума, но с усилением влияния Рима он распространяется среди италийских народностей (сикулы, сабиняне, эквы, фалиски, оски, умбры, вольски), языки которых близки латинскому, и неиталийских племен (венеты, мессапы, этруски). В. Ф. Шишмарев, характеризуя процесс романизации населения Апеннинского полуострова, отмечает, что на ранних этапах истории римского государства происходила грубая и жестокая ломка всех традиций и жизни покоренных народов. Однако в результате римляне сумели «не только сплотить в одно политическое целое многоязычное и пестрое по своему этническому составу население Апеннинского полуострова, но и ассимилировать его, превратив в нечто единое, в основном говорящее одним языком, живущее одной культурной жизнью и почти одним и тем же бытом» [Шишмарев 1972: 7]. Фактически Апеннинский полуостров стал тем полигоном, на котором были опробованы основные пути и средства приобщения к римской культуре и языку различных народностей: владение латинским языком как условие получения права гражданства, равенство в гражданских правах италийцев и неиталийцев, осуществление административного руководства и школьного обучения на латинском языке. Столкновение двух древних гиперязыков на территории Апеннинского полуострова проявилось в том, что «волны романизации разбивались только о барьер греческой культуры в прибрежной зоне на юге полуострова» [Шишмарев 1972: 9].

В истории становления итальянского языка отмечается другой важный этап — этап германского нашествия, когда германские племена сменяли друг друга и оседали в разных частях прежней Римской империи. В. Ф. Шишмарев говорит о нескольких волнах германцев (готы, лангобарды, франки), прокатившихся по территории Италии, но «волны эти рассыпались и исчезли в море итальянского населения» [Шишмарев 1972: 16], войдя в сферу притяжения латинского гиперязыка, ассимилировав, усвоив латинский язык и римскую культуру.

Романизация Иберийского (Пиренейского) полуострова началась с конца III в. до н. э. В дороманский период он был заселен индоевропейскими (иберы, турдетаны, аквитаны, баски) и индоевропейскими племенами (лузитаны, лигуры, кельты). Романизация Иберийского полуострова происходила путем внедрения римских обычаев, культуры, администрации. Языки местных племен, малочисленных, разобщенных, не могли противостоять культурному натиску римлян [Вольф 1988: 14-15]. Пути романизации были уже традиционными: латинский язык был средством социального продвижения, римская администрация управляла всеми финансовыми потоками, римляне обустроили дороги, вдоль которых располагались военные лагеря и римские поселения, создававшие центры романизации и распространения латинского языка, письменные тексты создавались на латинском языке, это был язык школьного обуче-

ния. А распространение христианства усилило чувство принадлежности к римскому миру. В течение длительного периода (так же, как и в Галлии, см. [Лыкова 2010: 47-49]) население Иберийского полуострова было двуязычным.

В V в. н. э. на полуостров вторгаются германские племена (вначале вандалы, аланы и свевы, затем вестготы), но к VIII в. германские племена усваивают язык и обычаи романских народностей. Неизбежная ситуация двуязычия завершилась принятием языка побежденных народов. Однако непростая лингвистическая ситуация Иберийского полуострова еще более осложнилась в 711 г., когда полуостров подвергся нашествию арабов и берберов, носителей мусульманской культуры. Почти сразу (с 722 г.) началась Реконкиста, т. е. процесс отвоевывания Иберии христианами от арабов. Этот процесс был очень длительным и завершился в конце XV в. завоеванием Гранады. Это почти восьмисотлетнее присутствие арабского языка на территории Иберии не могло не сказаться на судьбах романских языков. Романское население оказалось в арабском окружении, но романские языки не растворились, а население не ассимилировало арабскую культуру, несмотря на то, что арабы многое привнесли в развитие полуострова: они улучшили орошение земель, повысили их плодородие, предоставляли автономию различным областям, оставили свой след в архитектуре и изобразительном искусстве. Однако в целом арабам не удалось подорвать основы римской культуры, того мировидения и мировосприятия, который сформировался у романизированных народов Иберийского полуострова. Кроме того, объединяющим фактором была религия, и весь христианский мир Европы считал своим долгом борьбу с неверными, с язычниками. Латинский язык продолжал оставаться языком богослужений, языком церкви и вообще языком письменной культуры. Оставаясь центром средневекового европейского культурного ареала, Рим воздействует на развитие культурно-языковой семиосферы своих бывших провинций даже в условиях неблагоприятных, в условиях столкновения с языками развитых культур, подтверждая таким образом свой статус гиперязыка древнего мира.

Решающую роль в образовании восточно-романских языков (прежде всего румынского) сыграла романизация Дакии (106-271 гг.), относительно непродолжительная, но интенсивная. Это была северная граница Римской империи, поэтому провинция имела стратегическое значение для Рима, и несмотря на сопротивление местного населения, территория (между Южными и Восточными Карпатами) была полностью романизирована. По разным данным, на конец римского правления романизованное население (дако-римляне) составляло около 1 миллиона человек. В течение III-VI вв. в Дакии обосновывались готы, скифы, булгары. VII-IX вв. отмечены сильным венгерским и славянским влиянием, что привело к появлению в дако-румынских диалектах многих венгерских и

славянских заимствований, но язык выстоял и продолжал эволюционировать как романский язык. Правда, первые памятники на румынском языке появляются только в XVI в.

Долгое время социолингвистическая ситуация в романоязычном регионе может быть охарактеризована как диглоссийная: латинский язык выполняет функции, свойственные высокому языку, а многочисленные диалекты — функции низкого языка. Однако постепенно один из диалектов начинает восприниматься как более престижный: кастильский в Испании (с XVI в.), тосканский (флорентийский) в Италии, валашский в Румынии. В этих ареалах формируется новый центральный язык (литературный язык как эталон правильной речи), который будет втягивать в свою орбиту местные диалекты. Однако эта гравитационная модель имеет свои особенности в каждом романоязычном ареале.

Если в Испании престиж кастильского диалекта основан на том, что это язык королевского двора, язык культурно-политического центра, то в Италии флорентийский (тосканский) диалект — это язык флорентийской литературы, это «язык крупнейших литературных авторитетов», как подчеркивает В. Ф. Шишмарев. «Три венца» — Данте, Петрарка, Боккаччо дали столь совершенные образцы языка поэзии и прозы, что их оставалось только принять» [Шишмарев 1972б: 105]. Однако культурных, литературных центров может быть несколько, они могут сменять друг друга с течением времени. И в политическом отношении Италия долгое время оставалась раздробленной. Все это способствовало созданию литературных произведений не только на литературном итальянском языке, но и на диалектах, позиции которых начинают ослабевать лишь в XX в.

В Португалии ситуация несколько иная: португальский язык не опирается на какой-то определенный территориальный диалект. В его основе лежит койне, основанное на смешении диалектов пограничных зон севера и юга [Вольф 1988: 61], но в любом случае это был язык королевского двора, язык полифункциональный, на базе которого складывался национальный литературный язык.

Итак, генезис романских языков свидетельствует о том, что их становление связано с процессами ассимиляции и вытеснения, поглощения языков и диалектов, то есть, по сути дела, мы сталкиваемся, казалось бы, с устранением лингвистического разнообразия языков, но это устранение в конечном итоге дает новое качество — романские языки. Многие из них затем снова подвергнутся изменению, возникнут национальные варианты французского, испанского, португальского языков, а также креольские языки, вновь расширив спектр лингвистического разнообразия. Языковой континуум, следовательно, является достаточно устойчивым образованием, способным противодействовать давлению окружающей среды, а вернее, адаптироваться к ее воздействию.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ «Язык, как **живое существо**, как **системы живых существ**, погруженные в свою окружающую среду, является системой, несущей информацию» (*Перевод и выделение наши — Н. Л.*).
- ² См., например, Résolution du Conseil du 14 février 2002 sur la promotion de la diversité linguistique et de l'apprentissage des langues // Journal officiel n° C 50 du 23.2.2002; Résolution du Conseil du 21 novembre 2008 relative à une stratégie européenne en faveur du multilinguisme // Journal officiel n° C 320 du 16.12.2008.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вольф Е. М. История португальского языка. М.: Высшая школа, 1988.
2. Иванова Е. В. Цели, задачи и проблемы эколлингвистики. Прагматический аспект коммуникативной лингвистики и стилистики // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ecolinguistics.ru/index.php?sel=mat&id=12>.
3. Лыкова Н. Н. Экологическая лингвистика и история французского языка // Экология языка на перекрестке наук: материалы международного науч. конф. 11-13 ноября 2010 г. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2010. С. 45-51.
4. Полухин А. А. Современное языкознание и экологическое мышление // Опыты-2008: сб. науч. работ препод.-и студ. факультета филологии: науч. изд. / сост. Н. М. Димитрова. СПб.: РИО ГПА, 2009. С. 65-73.
5. Шишмарев В. Ф. У истоков итальянской литературы // Шишмарев В. Ф. Избранные статьи. История итальянской литературы и итальянского языка. Л.: Наука, ЛО, 1972. С. 7-35.
6. Шишмарев В. Ф. Очерк истории итальянского языка // Шишмарев В. Ф. Избранные статьи. История итальянской литературы и итальянского языка. Л.: Наука, ЛО, 1972. С. 36-181.
7. Swaan A. de. Words of the World. Cambridge: Polity Press, 2001.
8. Calvet L.-J. Pour une écologie des langues du monde. P.: Plon, 1999.
9. Dendaletche C. Des systèmes linguistiques aux systèmes écologiques // Homenaje à Pedro Montserrat / Instituto del Estudios Altoagaroneses: Consejo Superior de Investigaciones Científicas, CSIC; Instituto Pirenaico de Ecología — Jaca y Huesca, 1988. P. 497-501.